

УДК 130

Раздина Е. В.

СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗИРОВАННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье исследуется динамика политических трансформаций, что связано в мировом политическом пространстве современными процессами глобализации. Рассматриваются проблемы мировой политической системы в контексте современного дискурса. Определяются место и роль суверенитета национального государства относительно образования современного мирового устройства.

Ключевые слова: *глобализация, национальное государство, мировое устройство, мировая политическая система, мировое политическое пространство, суверенитет.*

У статті досліджено динаміку політичних трансформацій, що викликано у світовому політичному просторі сучасними процесами глобалізації. Розглянуто проблеми світової політичної системи в контексті сучасного дискурсу. Визначено місце та роль суверенітету національної держави щодо утворення сучасного світового устрою.

Ключові слова: *глобалізація, національна держава, світовий устрій, світова політична система, світовий політичний простір, суверенітет.*

In this article we research the dynamics of political transformation caused in world political space by modern processes of globalization. We consider the problems of world political system in the context of contemporary discourse. We also identify the place and role of sovereignty for building the modern world order.

Keywords: *globalization, national state, world order, world political system, world political space, sovereignty.*

Современное мировое политическое пространство объединяет в себе комплекс взаимодействий между большим количеством суверенных государств и негосударственных субъектов, находящихся в состоянии адаптации к разнонаправленным тенденциям политической интеграции и дезинтеграции. Характерными чертами современного мира являются глобализация и связанная с ней возрастающая взаимозависимость акторов мирового политического процесса на фоне разбалансированного мирового порядка, который принято называть Вестфальским на основании утвержденного Вестфальским договором 1648 года пространственного оформления суверенитета. Наиболее общими

проявлениями важнейших тенденций международных отношений глобализированного политического пространства являются феномены проявления объективных противоречий современных процессов и явлений, которые имеют неопределенный либо невыраженный характер, но являются результатом взаимодействия между разнообразными и разнотипными участниками – государствами, государственными и негосударственными организациями, в числе которых множество «акторов вне суверенитета» [1, с. 32]. Экономическая и экологическая глобализация после двух столетий развития в XXI веке вызвала глобализацию политическую, что в свою очередь привело к возникновению обратного глобальной интеграции процесса – регионализации. Новым институциональным и территориальным феноменом современности стал Европейский Союз, отразивший в полной мере реалии регионализации – появился даже термин «Европа регионов» [2, с. 23], обозначающий государственное образование на базе суверенных государств. Суверенитет как политический феномен отражает глобальные процессы через механизмы разрешения внутренних и внешних противоречий на уровне национального государства – главного субъекта современного политического пространства.

Национальному государству в эпоху глобализации сегодня посвящены научные дискуссии в предметных полях философских, политических и экономических наук и пограничных дисциплин в ведущих отечественных и зарубежных периодических изданиях. В научной литературе рассматриваются закономерности трансформации современного политического пространства, нации-государства как основного субъекта Вестфальского порядка, регионализация и глобализация мировой экономики и политики и др. Вместе с тем, представляется актуальным исследование тенденций трансформации функциональной конфигурации современных национально-государственных институтов власти вообще и государственного суверенитета в частности. Они представляют собой соответственно объект рассмотрения и предмет данной статьи.

Суверенитет изначально понимался как абсолютное верховенство власти, независимое от обстоятельств, – «суверенитет монарха», «суверенитет народа» и др. Более позднее узкое его толкование утверждает независимость государства – внутреннюю и внешнюю. Сегодня суверенитет предполагает единство двух начал – внутреннее верховенство власти, ее способность господствовать, подчинять и управлять и внешнюю независимость. Внутренний аспект является базовым и включает право и возможность институтов верховной власти распоряжаться территорией и ресурсами и устанавливать законы. Во внешнем воплощается возможность верховной власти проводить независимую внешнюю политику, реализовывать право народа на

самоопределение в международных отношениях.

Суверенитет является основной характеристикой места и роли национального государства в мировой системе институтов власти. Гиперглобалисты, представители неолиберализма, считают суверенитет «отжившей формой», непригодной для постиндустриального мира, в котором институты глобализации будут функционировать на корпоративной и сетевой основе, а не на государственной [3, с. 10]. Они пророчат «конец национального государства», что следует из современного приоритета экономики над политикой, исчезновения в глобальной экономике национального хозяйства как реальности (что лишает смысла национальную экономическую политику) и неминуемого развития «глобальной системы предпочтений» потребителя, суверенитет которого способен заменить суверенитет государства [3, с. 11–12]. С лозунгом «меньше государства, больше риска» и идеей «от государства благоденствия – к обществу благоденствия» децентрализации до максимизации власти регионов к ним примыкают «регионалисты-функционалисты» [2, с. 23]. На необходимости укрепления расширения полномочий национальных властных институтов настаивают неоконсерваторы, в особенности «государственники-федералисты» – самоуправление территорий приводит к экономической дифференциации и еще большей децентрализации [2, с. 23]. Основы суверенитета, считают они, сегодня подрываются «безудержным стремлением к прибыли» «беспрецедентно ликвидного» глобального капитала и «национально-государственной стратификацией политической реальности» [3, с. 12] – неуправляемыми проявлениями глобализации.

В течение последних нескольких столетий суверенитет является атрибутом государственной власти и положен в основу функционирования современной системы международных отношений [2, с. 23]. Современный Вестфальский мировой порядок отразил четкие функции и иерархию основных субъектов мирового политического процесса. Фундаментальным принципом международных отношений стало главенство нации-государства, являющегося «субъектом власти, который базируется на принципах государственной территориальности и государственной суверенности» [4, с. 45]. Вестфальский порядок сохранился после Венского конгресса 1815 года, Версальского мирного договора 1919 года, создания в 1945 году ООН – в его основные контуры вписывались и Версальский, и Ялтинско-Потсдамский порядки [4, с. 45–46]. Его порождением стала система территориально организованных и конституционно независимых государств, властные полномочия которых простирались в пределах их границ – суверенных. Идея государственного суверенитета, гарантированного правом, а не силой произвола, стала источником политических принципов нерушимости государственных границ и невмешательства государств во внутренние дела других, признания государства

другими «самостоятельным, независимым полноправным субъектом международных отношений» [4, с. 46]. Суверенитет обрел легитимный источник и связь с необходимыми для жизнеспособности государства формами и проявлениями общественных отношений и институционального единства их политической и неполитической организации. Государство выступило важнейшим институтом и механизмом самоорганизации общества, способность которого к автономному развитию и функционированию обеспечивалось свойством государства быть суверенным. «Пространственное оформление политической власти (суверенитета) и ее ограничения границами национального государства радикально изменило организацию политической жизни... на определенной территории. Именно развитие государственной территориальности и государственной суверенности привело к консолидации управления... в единую структуру публичной власти, возникновения централизованного государства с властной вертикалью и порожденной ею иерархией» [4, с. 45].

Большинство специалистов считают, что национальное государство как субъект суверенитета сформировалось не раньше конца XVIII века. «Империи нового времени, выполняя глобальную цивилизационную функцию, решали задачу приближения имперской периферии к уровню центра, распространения стандартов культуры, господствующей в метрополии, а главное, насильственной консолидации различных регионов мира, что явилось важным шагом на пути объединения мира и человечества. Имперские отношения обеспечивали кроме того ускоренное развитие наций-государств, которые выступали в роли имперского центра двигателем прогресса» [4, с. 45]. Но политический и экономический потенциал территорий, входящих в состав империй, такие отношения раскрыть не позволяли, поскольку жестко централизованная, основанная на территориальном суверенитете модель управления исключала возможность роста богатства и влияния регионов для предотвращения конфликта противопоставления их интересов с интересами имперского центра. «Безусловное верховенство местных... интересов» предполагало бы доминанту силы, центры которой защищают внутригосударственную анархию, преодолеть которую может верховенство национального суверенитета под лозунгом «чья власть, того и вера» и правом узаконить любую конфессию с последующим распространением прообраза «церковного суверенитета» на различные области жизни [5, с. 92].

Исторически оправданное явление политической централизации значительных территорий послужило прообразом «однополярной гегемонии» мировой системы наступающей эпохи глобализации. Их формирование было обусловлено потребностью укрепления порядка – создания соответствующих механизмов и институтов властного воздействия на социальные отношения

любых уровня и степени сложности. Консолидация, легализация, легитимация и унификация властных инструментов (принципов, приемов и процедур управления) и при становлении Вестфальского порядка, и при его нынешнем расшатывании стала необходимой вследствие возникновения неизбежной же анархии международных отношений – «беззаконной», «относительной» либо «упорядоченной» [5, с. 89].

Дело в том, что мировая политика была и остается хаотической по причине действия непредсказуемых «центров силы», формирующих тенденции ее развития «в двух временных измерениях – цивилизованном и первобытном. В одном из них, внутригосударственном, царствуют закон и порядок... в другом, межгосударственном, – сила и анархия (и общие для всех правила игры считаются невозможными даже теоретически)» [5, с. 89]. Но эта «неестественная раздвоенность», которой «нет и не может быть альтернативы» [5, с. 89], предполагает общую закономерность – и внутренний, и внешний аспекты порядка достигаются путем установления необходимых форм организации, упорядочения и контроля именно внутригосударственных отношений, то есть принятия четких позиций суверенитета – анархия преодолима только на внутригосударственном уровне.

Это могло явиться главной причиной образования огромных империй от древности до новейшего времени – так возможно сделать управляемой максимальную территорию или даже стать новым «однополярным» гегемоном, чтобы человечеству не «подчиняться... роковому маятнику, постоянно колеблющемуся между гегемонией и анархией» [5, с. 90]. «Множественность „центров силы”» и «борьба против „однополярной гегемонии”... ведет лишь к увековечиванию международной анархии», и «решение... этой „однополярно-многополярной” контроверзы – только во внутригосударственном строительстве» установлением «„однополярной” диктатуры» «гегемонии королей» «в противовес „многополярной” анархии» [5, с. 90].

Средневековье решило контроверзу компромиссом между центральной властью и феодальными баронами Великой хартии вольностей Англии 1215 года – «упразднение произвола власти» возможно с помощью «коллегиальной модели государственности», а если подобного добиваются «народы многих стран», проявляется «потенциальная способность избавить мир от международной анархии» [5, с. 91]. Последняя является нормой Вестфальского порядка, поскольку является обратной стороной «господства силы» и «абсолютного верховенства национальных интересов» и потому – «обожествления» национального суверенитета [5, с. 92–93]. Но, если точнее, причин у доминанты силы в международных отношениях две: «абсолютное верховенство национальных интересов» и потому – примат национального суверенитета. Единственное, что может стать еще важнее – интересы

безопасности, как принято Содружеством ЕС [5, с. 93–94]. Кроме того, порядок в международных отношениях достигается, как правило, предельным сокращением числа суверенных территориальных единиц, в любом случае – достижением их оптимального для максимальной управляемости территории количества.

Современному феномену дробления суверенных территориальных единиц, распаду государств Восточной Европы в конце XX века этот тезис, по-видимому, служит достаточным объяснением, хотя и вызывает множество других вопросов. Именно Европа стала родиной противоположных и разнонаправленных тенденций, почти одновременно сформировавших на политической карте мира цитадель упадка и раздробленности и прообраз сверхдержавы будущего, претендующий на источник изменения однополярного мирового порядка. В этом случае также проявляет себя диалектика дополнения внешних источников формирования порядка внутренними, когда контуры мирового порядка задаются особенностями современного национального государства.

Роль государства оказывает определяющее влияние на всю глобальную институциональную систему власти. Если в 90-х годах в науке преобладало мнение о постепенной утрате государством своего значения в виду неспособности «отвечать адекватно на возрастающую сложность глобальных проблем», то сегодня «в условиях экономической и социально-политической дестабилизации ситуации в мире» государственные институты остаются «системообразующим каркасом общества» [6, с. 7–8]. Хотя потоки капитала выходят из-под контроля государственных структур, и в новейшей действительности только государство способно защитить экономику протекционистской политикой.

И именно слабость национальных экономик позволяет государствам-лидерам консолидировать потоки капитала для еще большего ослабления слабых в целях использования средств и инструментов политического диктата с целью увеличения собственного могущества. Более того, глобальная конкуренция, основа глобализационных процессов, диктует приоритет инновационной экономики, а значит, требует конкурентоспособности именно национального производства, то есть его защиты и стимулирования, развития «страновой базы» науки и образования, институциональной и информационной инфраструктур, поддержания необходимого уровня жизни – обеспечения высококвалифицированной рабочей силы производству и платежеспособного спроса рынку.

В возможности принимать данные решения реализуется внешний аспект суверенитета; благодаря исполнению внутренних суверенных функций государство реализует протекционистскую программу сочетанием главных

типов управления – сетевого, командного и рыночного [6, с. 8–9]. При этом обусловленные глобализацией свобода движения капитала и информации, образование институтов наднационального и субнационального уровня и связанные с ними сложности управления внутри государства обостряют все противоречия. Результатом служит нечеткое разделение государственных полномочий, когда власть становится «безличной», хотя и претендует на строгий контроль общества развитием схем сетевой «локальной самоорганизации», отчуждающих суверенную личность. Ослабление государства как суверенного института проявилось в феноменах политически и экономически «нестабильного государства» и крайней степени его проявления – «несостоявшемся государстве», когда вследствие политико-правовой неспособности государства обеспечивать порядок и процветание общества «страна развивается вопреки государству» [7, с. 124–126].

Примером создания модели управления, разрешающей противоречия системы суверенных властных институтов на основе принципов коллегиальности, служит ЕС. Появившаяся в результате преобладания регионализации новая модель государственности построена на основе принципов федерализма, которые учитывают преимущества возможностей части территориально большого целого обеспечивать безопасность соблюдения собственных интересов. «Процесс усиления субнациональных игроков в ЕС и распространение интересов региональных властей за государственные границы... формирование региональной „внешней политики“ в рамках ЕС... рост регионализма в Евросоюзе стал прямым следствием углубления интеграции на наднациональном уровне» [5, с. 21]. Отдавая часть полномочий наднациональным органам, государство в его составе «нарушает баланс имеющихся ресурсов управления», в результате чего субнациональный уровень (один из представителей которого – регион) теряет ряд механизмов выдвижения и реализации своих интересов [5, с. 21]. Регионам предоставляется возможность непосредственно взаимодействовать с центральным правительством в качестве «третьего уровня» власти в иерархической структуре «регион – государство – ЕС» и развивать горизонтальные связи независимо от нее. Это также путь принятия необходимых общих политических решений на основании не прежнего соподчинения, а распределения полномочий между властными уровнями.

Но, несмотря на диктатуру международной анархии, произвол сверхдержав и неизменную борьбу за мировую гегемонию, что противоречит вновь обретенным в новейшем государственном образовании идеологии компромисса и принципам коллегиальности, общим и фундаментальным суверенным принципам построения национального государства нет альтернативы – отказ от них противоречит известной современной науке универсальной модели

управляемой системы. Столь же маловероятным представляется отказ от пространственного оформления суверенитета. Возможности построения мирового порядка «вне суверенитета» в соответствии с коммунистической либо анархической моделью пока относятся к области научной фантастики, несмотря на снижение стабильности политических институтов, ослабление государства и увеличение числа «несостоявшихся государств» и форм проявления данного феномена. Некоторое преобладание регионализации как новейшей тенденции развития международных отношений увеличило диапазон реорганизации политико-правовой базы отношений суверенитета – его структурных и функциональных возможностей обеспечения всего комплекса интересов государства. В целом же суверенитет остается незаменимой полноценной основой взаимодействия национального государства с региональными и глобальными институциями мирового политического пространства.

Литература:

1. *Зуб О.* Стратегія національної безпеки України – шлях до посилення системи колективної безпеки в регіоні та світі: від теорії до практики / О. Зуб // Політика і час. — 2007. — № 5. — С. 32—37.
2. *Мельник Н.* Трансформація концепту нейтралітету (вплив процесу глобалізації на позицію нейтральних країн наприкінці ХХ – початку ХХІ століття) / Н. Мельник // Зовнішні справи. — 2007. — № 8. — С. 23—27.
3. *Мариносян Х. Э.* Национальное государство. Проблемы и перспективы в эпоху глобализации / Х. Э. Мариносян // Философские науки. — 2008. — № 8. — С. 5—24.
4. *Ялі М.* Занепад «Вестфалії», або еволюція інституту нації-держави під впливом глобалізації / М. Ялі // Політика і час. — 2007. — № 6. — С. 45—48.
5. *Янов А.* ЕС как новая модель государственности / А. Янов // МЭМО. — 2007. — № 7. — С. 89—94.
6. *Иванов Н. П.* Глобализация и общество: проблемы управления / Н. П. Иванов // МЭМО. — 2008. — № 4. — С. 3—15.
7. *Раздина Е. В.* Трансформация национального государства в мировой системе институтов власти под влиянием процессов глобализации / Е. В. Раздина // Гуманітарний часопис. — 2010. — № 2 (23). — С. 121—127.